

словит А.

МИМОЛЕТНОСТИ

СРЕДИ того, о чем говорили шпанистые мальчишки и сомнительные девицы из московских дворов-подворотен, самое для меня интересное началось тогда, когда они, один за другим, принялись сознаться: сейчас, когда они, уже почтенные мужи и солидные матери семейств, заглядывают в эти самые дворы (немногие из тех, что сохранились, — это я о дворах), их (это — о сентиментальных посетителях мест собственного детства) поражает, как резко уменьшилось пространство, некогда являвшее собой микрокосм их бытия.

Алексей Габрилович продолжил путешествие в собственное детство, в детство целого поколения, и в результате на наш экран вышла лента, редкостная по историзму самочувствия оценки людьми времени, и себя.

Не все ровно. Не везде телевизионный прием работает, как этого ждешь от него. Может, дело даже не в фильме, а в тебе самом, в твоём ожидании. А тебе предлагают слишком долгую «раскачку», и первая из двух серий оказывается чем-то вроде затянувшейся экспозиции, «краткого введения в общее учение о дворах нашего детства». Вторая серия берет быка за рога, раздвигает пространство, насыщает кадр людьми умными, интересными — воистину свободными, раскованными мальчишками и девочками, лихо вспоминающими свои «подвиги», формы самоутверждения, без которых, наверное, и личность-то состояться не может.

Потом, правда, понимаешь, что «виноват» не только фильм, но и ты сам, и эта странность, вечная странность, именуемая телепоказом. Конечно, было бы лучше, чтоб обе серии сразу, тогда и логика авторского замысла оказалась бы яснее, и твой «переход» от серии к серии был бы органичнее. Однако обнаруживается и «своя правда» Габриловича, который ухитрился в первой серии сказать так много,

что как бы и не сказал ничего. Только раздражил. Раздразнил настолько, что второй серии ты и ждешь, и — заранее «прокручиваешь» ее в себе, там, где из памяти прямо-таки прет твой собственный опыт, такой же и, естественно, совершенно иной.

«В себе» и «не в себе»

Да что там говорить, хитрый Габрилович — вот кто «сыграл» с убойной точностью. Перенасытив, казалось бы, и растянув до невозможности свое «экспозе» — первую часть фильма, Габрилович как раз и подготовил меня, зрителя, ко второй. Сделал меня собеседником всех этих инженеров, врачей, журналистов, актеров, всей этой «шпаны», из которой почему-то вырастают нормальные люди, которые — вот, сидят перед телекамерой и среди прочего рассуждают и про «шпану» иную, овсянную в те времена вселенской славой.

Накопец-то Габрилович — и спасибо ему, — уцепив зрителя то ли за ухо, как это делали в «мои» и «его» времена учителя еще старорежимной закваски, то ли за душу, утянул меня в «то время» как настоящее. Такого на нашем телеэкране еще не было. Понимаете: именно настоящее время, то есть — то, что формировало миллионы людей, право же, несмотря на всю остроту современного кризиса, прошедшего и по их душам — нормальных, живых, достойных. Они на экране второй серии и предстали, щедро поданные, обильно вспоминающие, не потерявшие то, что заложило «детство при проклятом режиме».

Это спровоцированное Габриловичем открытие «в себе» — «настоящего времени» дорогого стоит. Хотя бы потому, что многое из того, что нынче вокруг течет, парадоксально не изменяясь — это как бы поток людей «не в себе», обитающих в «ненастоящем времени». Оттого всем и больно, хотя бы потому, что отрыв от почвы — штука ой какая болезненная. Не оторваться от нее — от того, что нынче молодые прозвали очень точным словом «совок». — было нельзя. Вопрос — как отрываться-то, теряя себя — или не теряя. «В себе» — открывая что-то.

...Кажется, уже в восьмой раз выходит на экран 4-го канала «Останкино» передача «Профессионал». Придумали и делают ее совсем молодые ребята. Чем больше вижу их передач, тем серьезней к этим ребятам отношусь, тем больше уважаю их. Они — на пути к истинному профессионализму, многие блины у них еще — комьями, идея передачи, в пластическом своем выражении, еще не перебродила, достает и слабого, и сырого, но — главное радует. Люди хотят разобраться «в себе», выходя на стезю истинного профессионализма. И — делают шаг к тем, у кого в искусстве — и имя, и положение, и опыт. Не всегда «сладкий» — в прошлом ли, в настоящем. И меня очень радует то, как, скажем, очень любимым мною Вадим Абдрашитов размышляет о нераздельности человека и времени, профессионализма и души, как он, не такой уж любитель самораскрываться раскрывает все же этим, молодым, многое и многое. «В себе». «В настоящем времени» — не просто текущем, но — творившем личность, хранимом ею, продолжаемом ею. Или Элем Климов — симпатично не похожий на свой недавний «телеимидж», не им сотворенный, — вспоминает о своей юности, своем становлении, о том, что значило для него первые опыты творчества и слово сочувствия — тогда. И у меня уже нет ощущения, будто «в жизни» я — персонаж традиционного историко-революционного фильма, где все прошлое — «проклятое», будущее — «светло и прекрасно», настоящее же — шизофренически раздвоено.

Василий КИСУНЬКО.